

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

«ЗАКОН ГРИШИНА» И ПРАВО ЕС О РОБОТОТЕХНИКЕ И ИСКУССТВЕННОМ ИНТЕЛЛЕКТЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Васильев¹, О.В. Васильева¹, Ж.И. Ибрагимов²

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул,

²Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, г. Нур-Султан

В 2017 г. по заказу корпорации «Гришин роботикс» группа ученых исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта (А. Незнамов, В. Наумов, В. Архипов) разработала проект российского федерального закона в сфере робототехники. Авторы законопроекта подошли достаточно осторожно к выработке подходов к правовому регулированию использования роботов [1]. Прежде всего, разработчики воздержались от всеобъемлющего регулирования всех аспектов использования робототехники, затронув наиболее насущные вопросы применения роботов. Задачу разработки базового закона о робототехнике авторы «Закона Гришина» оставили на более отдаленную перспективу [2. 47].

Обсуждение и результаты

В законопроекте подняты очень серьезные юридические вопросы применения роботов.

Во-первых, авторы проекта закона вводят легальное определение роботов как автономных от человека интеллектуальных систем. «Робот – устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека» - говорится в тексте законопроекта. Очевидно, что акцент сделан на такие качества как самостоятельность роботов при принятии решений и отсутствие полного контроля за его действиями со стороны человека.

Причем, именно автономность роботов может быть ключевым вопросом в определении правосубъектности и ответственности киберфизических систем. Отсутствие автономности превращает робота в объект правоотношения, в техническое устройство и программный продукт. Качества субъекта права в таком случае характерны лишь для владельца робота.

Во-вторых, законопроект исходит из выделения двух видов роботов и соответствующей дуалистической природы роботов:

- роботов как разновидности имущества;
- роботов-агентов как самостоятельных участников гражданского оборота, наделенных статусом юридических лиц со специальной правосубъектностью.

Очевидно, что решение вопроса о наличии правосубъектности роботов должно решаться на основе конвенционально выработанного в юридической науке и практике понятия субъекта права и того решающего качества, которое определяет наличие самостоятельной правовой личности. Часть из ученых при этом констатируют об отсутствии однозначного способа определения субъекта права с учетом наличия категории юридических лиц, которые нетождественны человеку. Большинство исследователей отмечает преждевременность придания умным машинам статуса юридических лиц. Такую возможность признают в том случае, если технологически в будущем появится искусственный разум во многом сходный с человеческим разумом, и кроме того обладающий такими качествами как совесть и эмоции.

Среди критериев для выделения субъекта права в юридической науке приводятся:

- сознание, воля и эмоции (при этом отсутствие сознания у душевнобольных, детей, юридических лиц не является основанием для лишения их правосубъектности);
- самостоятельность лица в принятии решений и управлении своими действиями;
- концепция фикции юридического лица как средства управления рисками и ограничения имущественной ответственности.

Сопоставление физического лица с автономным роботом (искусственным интеллектом) приводит к выводу о том, что при наличии общего признака осознанности, робот не обладает такими качествами человека как эмоции и воля. Следовательно, тождество между человеком и роботом как субъектами права невозможно.

При этом нет внешних препятствий в распространении на автономного робота качеств юридического лица через фикцию как прием юридической техники. Принято искусственно признавать наличие некоей организации, хотя за ней может и не стоять действительный человек или организация людей. Так, В. Наумов, В. Архипов в одной из своих работ подчеркивают, что роботы могут быть наделены специальной правосубъектностью для определенных целей (торговля через ботов в интернете и т.д.) [5.С.153]. Другой вопрос, есть ли необходимость в наделении роботов правосубъектностью юридического лица. Понимание юридического лица как способа минимизации рисков наступления юридической ответственности вряд ли применимо к роботам, поскольку позволит избежать производителям и владельцам роботов юридической ответственности. Так, член Европарламента Ж. Лебретон при обсуждении резолюции о роботах отметил: «Я возражаю против данной перспективы по двум причинам: прежде всего, поскольку она снимет всякую ответственность с их производителей и пользователей, что, несомненно, обрадовало бы мощные лобби; во-вторых, и это главное, потому что я считаю, также как и Жак Маритен, что человеческая личность наделена духовным существованием, с которым несопоставим ни один искусственный интеллект» [6]. Наделение роботов специальной правосубъектностью возможно при наличии достаточных гарантий прав иных участников правоотношения.

При этом данные цели могут быть достигнуты с помощью иных правовых средств и режимов без наделения роботов правосубъектностью: как разновидность имущества, база данных и пр. Поэтому концепция электронного лица на текущем этапе научной дискуссии весьма спорна.

В-третьих, весьма оригинально решается вопрос об ответственности за вред, причиненный действиями роботами.

Положительное решение о наделении роботов деликтвентностью может быть принято только при условии наличия достаточного имущества такого робота или страховании его имущественной ответственности.

Кроме того, не стоит забывать о том, что наказание с его целями исправления и предупреждения новых правонарушений в отношении роботов оказывается неприменимой. Хотя в юридической литературе предлагается использовать такую меру как уничтожение роботов.

Следует отметить, что авторам законопроекта не удалось четко провести грань в установлении ответственности за вред, причиненный роботом как юридическим лицом и одновременно в качестве робота-имущества.

В-четвертых, в законопроекте предлагается установить требование о соблюдении безопасности деятельности роботов и введения специальной системы предупреждения о возникновении правового конфликта.

Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 г. «Нормы гражданского права о робототехнике» представляет собой комплекс правовых принципов и этических

требований в сфере создания и использования роботов. Резолюция как таковая не содержит конкретных норм права, но выступает базовым ориентиром для государств Европейского Союза в части разработки нормативных правовых актов относительно робототехники. Следует отметить основательный и серьезный подход резолюции к теме автономных роботов и искусственного интеллекта. В резолюции отражены различные аспекты использования роботов: использование роботов в промышленности, помощи немощным и больным, замена рутинного труда и т.п. При этом резолюция лишена пафоса восторженности и призывает к осторожному использованию самообучаемых роботов вследствие тех угроз, которые они могут создать: потеря работы для людей; рост социального неравенства; проблема подконтрольности и управляемости роботов; вопрос об ответственности за вред, причиненный автономными роботами и др. Учет преимуществ и угроз от использования искусственного интеллекта привел Европарламент к установлению принципа постепенности, прагматичности и осторожности по отношению к будущим инициативам в сфере робототехники и искусственного интеллекта. С одной стороны, данный принцип обеспечивает учет всех рисков и угроз, а с другой стороны, не мешает инновационному развитию в сфере робототехники.

В резолюции Европарламента особо оговариваются вопросы ответственности в случае использования автономных роботов. Автономность роботов в контексте резолюции понимается как способность принимать решения и реализовывать их самостоятельно без внешнего контроля или воздействия. При этом автономность воспринимается в чисто техническом плане как реализация программы.

Следует отметить, что самостоятельность робота на текущем уровне технологического развития относительна. Во-первых, алгоритм действий робота создается человеком, даже если речь идет об искусственном интеллекте и самообучаемых нейронных сетях. Именно человек закладывает на уровне программы модель деятельности робота. Во-вторых, чаще всего робот действует в глубоком взаимодействии с человеком как дистанционно (управление дронами, глубоководными аппаратами), так и внутри устройства (управление самолетом). Как отмечает Д. Минделл существует миф о самостоятельности роботов и необходимо четко осознавать зависимость роботов от человека [3. С.24].

В резолюции Европарламента предлагаются следующие признаки автономных (умных роботов):

- способность становиться автономным, используя сенсоры и (или) обмениваться данными со своей средой;
- способность самообучаться на основе приобретенного опыта;
- наличие по меньшей мере минимальной физической поддержки;
- способность адаптировать свои действия и поведение в соответствии с условиями среды;
- отсутствие жизни с биологической точки зрения.

Очевидно, что решение вопроса о наличии правосубъектности роботов должно решаться на основе конвенционально выработанного в юридической науке и практике понятия субъекта права и того решающего качества, которое определяет наличие самостоятельной правовой личности. Часть из ученых при этом констатируют об отсутствии однозначного способа определения субъекта права с учетом наличия категории юридических лиц, которые нетождественны человеку. Большинство исследователей отмечает преждевременность придания умным машинам статуса юридических лиц. Такую возможность признают в том случае, если технологически в будущем появится искусственный разум во многом сходный с человеческим разумом, и кроме того обладающий такими качествами как совесть и эмоции [2. С.29].

Среди критериев для выделения субъекта права в юридической науке приводятся:

- сознание, воля и эмоции (при этом отсутствие сознания у душевнобольных, детей, юридических лиц не является основанием для лишения их правосубъектности);
- самостоятельность лица в принятии решений и управлении своими действиями;
- концепция фикции юридического лица как средства управления рисками и ограничения имущественной ответственности.

Сопоставление физического лица с автономным роботом (искусственным интеллектом) приводит к выводу о том, что при наличии общего признака осознанности, робот не обладает такими качествами человека как эмоции и воля. Следовательно, тождество между человеком и роботом как субъектами права невозможно.

В мировой юридической литературе предпринимаются попытки рассмотреть природу роботов по аналогии с правовым режимом животных. При этом, в большинстве правовых систем мира животные рассматриваются как объект права с учетом принципа гуманного отношения к ним. В отличие от роботов, часть из животных способны к проявлению эмоций, но не обладают свободой воли и не могут, следовательно, осуществлять права и обязанности.

Еще одним способом решения проблемы правосубъектности «разумных роботов» выступает концепция «электронного лица», которая активно отстаивается П.М. Морхатом в своих научных исследованиях [7. С. 66]. П.М. Морхат в качестве основных предпосылок наделения тех или иных лиц правосубъектностью называет: наличие морального права, социальный потенциал и юридическое удобство. Естественно, что искусственный интеллект может использоваться только в целях юридического удобства в ряде случаев: ведение электронного бизнеса и определение юрисдикции, создание объектов интеллектуальной собственности, ограничение ответственности разработчиков юнитов искусственного интеллекта [8.С.70].

При этом данные цели могут быть достигнуты с помощью иных правовых средств и режимов без наделения роботов правосубъектностью: как разновидность имущества, база данных и пр.[9.]. Поэтому концепция электронного лица на текущем этапе научной дискуссии весьма спорна.

Г.А. Гаджиев и Е.А. Войникас предлагают исходить при решении вопроса о правосубъектности роботов из того способен ли будет робот удовлетворить требования о возмещении наступившего вреда самостоятельно. По их словам, «если признание робота субъектом права имеет какой-либо смысл или назначение, то оно заключается в более эффективном и сбалансированном распределении ответственности. Напротив, если робот не способен возместить нанесенный им вред, необходимость признания его субъектом права становится проблематичной. В свою очередь, задача или социальная потребность в распределении ответственности является следствием более сложной, универсальной потребности в равновесии» [10. С. 41].

Положительное решение о наделении роботов деликтвентностью может быть принято только при условии наличия достаточного имущества такого робота или страхования его имущественной ответственности.

Кроме того, не стоит забывать о том, что наказание с его целями исправления и предупреждения новых правонарушений в отношении роботов оказывается неприменимой. Хотя в юридической литературе предлагается использовать такую меру как уничтожение роботов.

Поскольку вопрос о самостоятельности робота как субъекта права преждевременен, в резолюции Европарламента отмечается возможность применения к деликтным отношениям с участие роботов двух юридических конструкций:

- конструкция ответственности производителя за неисправности робота (за качество и безопасность робота);
- конструкция ответственности за вредоносные действия, согласно которым пользователь робота несет ответственность за поведение, повлекшее за собой возникновение вреда.

При этом, в акте Европейского парламента подчеркивается недостаточность вышеуказанных правил в том случае, если вред наступил вследствие действий и решений робота и при отсутствии вины и причинно-следственной связи действий человека и наступившего вреда. Не предпринимая окончательные юридические решения в этом вопросе, Европарламент наметил целый ряд направлений развития законодательства в части ответственности за действия умных роботов.

Прежде всего, Европарламент в решении вопроса об ответственности в связи с использованием автономных роботов придерживается идеи недопустимости ограничения видов, форм и объема компенсации того вреда, который может быть причинен умными роботами. Такой подход обеспечивает учет интересов пострадавших и ограничивает лоббистские устремления производителей роботов в виде снижения объема собственной ответственности.

Европарламент при определении лица, которое будет нести ответственность за действия робота, исходит из теории риска, при которой ответственность возлагается на то лицо, которое могло минимизировать риски и учитывать негативные последствия. При этом, степень ответственности должна определяться степенью автономности робота и той ролью, которую играет человек, обучающий робота.

В резолюции Европарламента отмечается сложность решения вопроса об ответственности в том случае, когда вред возник в отсутствие контроля человека в условиях высокой автономности робота. В этом случае отсутствие вины и причинно-следственной связи выступает препятствием в возложении ответственности на человека. Для такого рода случаев, Европарламент предлагает использовать механизм страхования ответственности через внесение взносов производителями и владельцами роботов для компенсации вреда пострадавшим лицам.

В перспективе Европарламент предлагает рассмотреть вопрос о наделении роботов самостоятельным правовым статусом для тех случаев, когда роботы как электронные лица принимают решения автономно.

Среди положительных сторон резолюции Европарламента можно назвать:

- комплексный подход к регулированию робототехники с учетом достижений технической науки, этики и права;
- рекомендация Еврокомиссии создать Агентство ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту, который бы вступил регулятором правовых, технических и этических аспектов использования умных роботов;
- объективность и осторожность с учетом как преимуществ, так и угроз, которые порождает использование искусственного интеллекта.

Отдельный предмет исследования составляют вопросы этики при применении искусственного интеллекта, нашедшие отражение в Хартии робототехники – приложении к резолюции Европарламента. Совершенно справедливо то, что Европарламент пришел к выводу относительно разработки не только юридических, но и этических стандартов в сфере искусственного интеллекта. Робототехника с непреклонностью ставит целый ряд вопросов философского и этического порядка: признание умных роботов в качестве личности, подобной человеку; допустимость использования роботов в ряде сфер жизнедеятельности; возможность применения боевых роботов и роботов в качестве оружия; соблюдение неприкосновенности частной и семейной жизни в случае контакта с роботами.

В Хартии робототехники сформулированы этические принципы для исследователей робототехники:

1. Принцип «делай добро», определяющий использование роботов в интересах людей;
2. Принцип «не навреди», направленный на недопущение вреда людям при использовании роботов;
3. Принцип самостоятельности, означающий право человека самостоятельно решать вопрос о возможности взаимодействия с роботом;
4. Принцип справедливости, согласно которому все блага, получаемые при использовании роботов, должны быть распределены справедливо.

В Хартии робототехники особое внимание уделяется принципам работы комитета по этике научных исследований в сфере робототехники, а также этическим стандартам для разработчиков и пользователей умных роботов. В первую очередь, в Хартии подчеркивается необходимость соблюдения человеческого достоинства и неприкосновенности частной жизни при взаимодействии с роботом и запрет на применение робота как средства причинения вреда (оружия). Причем, именно на разработчиков возлагается ответственность за все возможные вредные последствия.

Можно отметить, что проект закона о регулировании робототехники (закон Гришина) мог стать одним из самых смелых в мировой практике, поскольку предполагал наделение автономных роботов специальной правосубъектностью по аналогии с юридическими лицами. Однако, придание искусственному интеллекту статуса правовой личности возможно при наличии таких критериев как самостоятельность роботов от человека, наличие способности к осуществлению прав и обязанностей (воли) и решения вопроса об учете интересов лиц, которые могут пострадать от действий роботов.

В то же время имеется интересный опыт ЕС в части определения правовой природы искусственного интеллекта в законодательстве европейских стран. Резолюция Европарламента «Нормы гражданского права о робототехнике» представляет собой комплекс юридических и этических ориентиров для ученых, производителей, пользователей и органов публичной власти в сфере использования робототехники и искусственного интеллекта. В резолюции предлагаются дальнейшие пути общественной дискуссии по поводу статуса умных роботов в рамках общей убежденности в недопустимости ограничения ответственности за вред, причиненный посредством использования роботов. Важно то, что в Резолюции поднимается серьезный вопрос об определении субъекта ответственности в том случае, когда вред был причинен роботом при принятии им самостоятельного от человека решения на основе обучения и собственного опыта.

Представляется, что европейский опыт указывает на необходимость осторожного правового регулирования в сфере робототехники с учетом недопустимости расширения горизонта неопределенности и риска опасных этических и социальных последствий придания роботам качеств квазиличности.

Библиографический список.

1. Робоправо [электронный ресурс] // http://robopravo.ru/matierialy_dlja_skachivaniia#ul-id-4-35
2. Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. – 2017. – № 6. – С.47.
3. Минделл Д. Восстание машин отменяется. Миф о роботизации // М., изд-во Алпина, - 2017. - 310 с.
4. Гаджиев Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. - 2018. - №1. - С. 29–35.

5. Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. - № 5. - С.157-170.
6. European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates, 15 February 2017. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005>.
7. Морхат П.М. К вопросу о правосубъектности «электронного лица» // Юридические исследования. – 2018. - №4. - С.1-8. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.4.25647
8. Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Серия юриспруденция. - 2018. - № 2. - С.66–73.
9. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots. // In: Who's Who Legal. - 2018. URL: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequences-electronic-personality-autonomousrobots>
10. Гаджиев Г.А., Войникас Е.А. Может ли робот быть субъектом права? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – №.4. – С.41–48.